

На краю земли. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

На краю земли. Максим Горький

"Кола - городишко убогий, неказисто прилеплен на голых камнях между рек - Туломы и Колы. Жители, душ пятьсот, держатся в нем ловлей рыбы и торговлишкой с лопарями, беззащитным народцем. Торговля, как ты знаешь, основана на священном принципе "не обманешь - не продашь". Пьют здесь так, что даже мне страшно стало, бросаю пить. Хотя норвежский ром - это вещь. Всё же прочее вместе с жителями - чепуха и никому не нужно".

Так писал в Крым, в 97 году, вологжанину доктору А. Н. Алексину какой-то его приятель.

Поезд Мурманской железной дороги стоит на станции Кола минуту и, кажется, только по соображениям вежливости, а не по деловым. Кратко и нехотя свистнув, он катится мимо толпы сереньких домиков "заштатного" городка дальше, к мурманскому берегу "ядовитого" океана. Происхождение слова - мурман интересно объяснил некто Левонтий Поморец:

"А по леву руку Кольского городка, ежели в море глядеть, живут мурмане, сиречь - нормане, они же и варяги, кои в древни времена приходили-приплывали из города Варде и жили у нас разбоем, чему память осталась в слове - воры, воряги. Игумен оспаривал: дескать, нормане оттого нарицаются, что в земле, в норах живут, аки звери, твердил: причина тому холод. А я говорю: это не мурмане в норах-то живут, и не от холода, а мелкий народец лопари от страха, как бы наши промышленники живьем его не слопали. Мурманна же тупым зубом не укусишь".

Рукопись Левонтия Поморца принадлежала старому революционеру С. Г. Сомову, он привез ее из сибирской ссылки, но Аким Чекин, другой "вероучитель" мой, тоже считал эту рукопись своей собственностью. Оба они весьма яростно доказывали друг другу каждый свое право собственности на сочинение Поморца, но оценивали ее разное: Чекин утверждал, что она "ф-фальетон и ер-рунда", а Сомов, заикаясь и брызгая слюной, доказывал:

- Остроумная вещь! Погодин с Костомаровым - ученые историки, а этот Поморец, наверное, ссыльный поп и жулик, но раньше их всё решил.

Мне очень нравилась эта тетрадь толстой синеватой бумаги, исписанная кудрявым почерком и приятно корявыми словами; я настойчиво и безуспешно просил Сомова подарить мне ее, а он, также безуспешно, хлопотал о том, чтоб издать рукопись. В конце концов я сделал выписки из Поморца и начал сочинять повесть о юноше, который влюбился в свою мачеху, был изгнан отцом и стал бродягой. Тут кто-то объяснил мне, что греческое слово монах значит одинокий, и я превратил бродягу в инока. Но мне показалось, что роман пасынка и мачехи достаточно использован народным творчеством и что лучше заставить героя моего влюбиться в родную сестру. Заставил. "Светские писатели, бесам подобно, измываются над людьми", как говорил известный апостол "толстовства" Новоселов, впоследствии враг Льва Толстого и деятельный сотрудник изуверского церковного журнала, который издавался миссионером и черносотенцем Скворцовым. Затем повесть свою я уничтожил, "предав ее в пищу огню", но, разумеется, не потому, что был уstraшен словами Новоселова, а от стыда за чепуху, сочиненную мной. Но кое-что из рукописи Поморца все-таки отразилось в моей "Исповеди".

Всё это относится к делу только потому, что изумляет: как недавно всё было, как странно свежо в памяти и - значит: с какой волшебной быстротою идет жизнь!

Когда поезд подкатился к Мурманску, часы показывали время около полуночи, а над океаном, не очень высоко над его свинцовой водой, сверкало солнце. Разумеется, я читал, что здесь "так принято", но, видя первый раз в жизни солнце в полночь, чувствуешь себя несколько смущенным и сомневаешься: честно ли работают часы? Вспоминаешь истины, еще не опровергнутые наукой: земной шар делится на два полушария, Земля вращается вокруг солнца... Один глупый мальчик спросил учителя:

- А зачем земля вращается?

- Это не твое дело, - мудро ответил учитель.

Зрелище добела раскаленного полуночного солнца, которое торчит над бесконечной водной равниной не то восходя, не то нисходя, – зрелище очень странное. Поведение великолепного светила кажется настолько нерешительным, что думаешь за него:

"Давненько я торчу в этой точке пространства! А не перекатиться ли мне со всеми спутниками куда-нибудь за пределы этого Млечного пути? Свободного места много..."

Вообще здесь у приезжего человека возникают смешные мысли. Но, как я убедился, местные люди примиряются с изменением небесных явлений гораздо легче и быстрее, чем с необходимостью изменить древние условия жизни на земле.

На перроне вокзала много народа и немало юных "мурманов", среди них буянят субъекты в возрасте четырех-пяти лет. Им бы давно пора спать.

Моя молодежь уходит в город, я сажусь записывать впечатления дня. По рельсам идет группа молодежи, человек десять парней и девушек, они поют:

Без тебя большевики

Обойдутся...

Надеюсь, это не про меня? Один парень лихо подсвистывает. Совершенно ясно, что солнце восходит, оно всплыло выше. На лысой горе, по ту сторону залива, блестят серебром трещины в камнях.

Проснулся я в семь часов, за окном вагона гулял серый жидкий туман, сеялась мокрая пыль. Через час вспыхнуло солнце, но более тусклое, чем оно было в полночь. Потом снова налетели клочья тумана, и снова явилось солнце. Эти капризы продолжались часа три: впечатление было такое, как бы где-то всё время открываешь дверь на холод и он вторгается в город, как морозный воздух со двора в избу.

Около вокзала работает экскаватор, выкусывая железными челюстями огромные куски земли. Эта машина вызывает у меня глубокое почтение к ней, я хорошо знаю работу землекопа, которая так нагревает поясницу, что кости в ней как будто высохли, скрипят и готовы рассыпаться. Железное чудовище с длинной шеей и глубокой пастью на месте головы гремит цепями, наклоняет шею, вырвав из холма кусочек весом в добрую тонну, поворачивает шею, приподнимает ее и, бескорыстно высыпав добычу на платформу, снова наклоняется к земле.

На работу машины смотрит женщина солидного объема, ширина ее спины и бедер едва ли меньше метра. На руке у нее головастое дитя, лет двух, сосет грудь, другую руку раскачивает человек лет пяти и, не торопясь, почти басом, убеждает:

– Мамк, иди! Чаю хочу...

Мужичок, тоже весьма крупный, сплеча бьет десятифунтовым молотом черный гранитный валун, молот упруго отскакивает, но мужичок упрямо и метко садит удар за ударом в одно и то же место, из-под молота летят искры. Валун не выдерживает и раскалывается на три куска, а победитель благодарит его за уступчивость громким, торжественным "матом". Женщина, точно она только этого и ждала, машиноподобно тащит племя свое на искусанный экскаватором пригорок, из-под ног ее обильно сыплются комья земли, мелкий булыжник.

Крупные люди, неторопливая мощь и стойкое упрямство работы – это впечатление закрепилось у меня на все дни в Мурманске и "по вся дни" жизни. На пустынном берегу Ледовитого океана, на гранитных камнях, местами уже размолотых движением ледника и временем в песок, строится город. Именно так: люди строят сразу целый город. Против вокзала, на пригорке, обширное здание гостиницы, центральная часть его сложена из разноцветных кусков гранита, а крылья – деревянные, эти крылья и островерхая крыша придали всему корпусу странную легкость. Всюду идет стройка общественно-служебных учреждений.

– Это будет больница, а там – клуб, исполком, – говорят мне.

Выравнивается почва для будущих улиц, свозят камень для мостовых; на горе, над городом, строится целый поселок – маленькие домики. Небольшие особнячки

На краю земли. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
обывателей, построенные "на скорую руку", деревянные, скучные коообки без украшений, немногочисленны и незаметны в общей массе нового. Особнякам этим десять - пятнадцать лет от роду, но, несмотря на юность, некоторые из них уже обветшали, покривились.

- Строились кое-как, без расчета на долгую жизнь. Урвать да удрать был расчет.

Расширяется вагонный двор, расширяется порт, всюду шум работы, и снова отмечаешь ее неторопливый, уверенный темп. Чувствуешь, что строятся прочно, надолго.

В порту тяжело двигаются солидные бородачи, глаза у них пронзительно дальнорюкие, голоса необычно гулки, точно люди эти далеко друг от друга и гово-рят в рупор. Руки этих людей - точно весла, широкие ладони деревянно жестки. Очень крепкие люди. Они - жалуются:

- Причалов в порту не хватаит, вона двое англичан на рейде ошвартовались, приткнуться некуда.

- Тралеров мало, а то бы мы на весь Союз рыбой хвастанули,- мечтает человек в сапогах выше колен и в шляпе с назатыльником.

Остроносый товарищ из исполкома охлаждает бородастого мечтателя:

- Нет, нам похвастаться долго не удастся, мы даем только 6% всего улова, а Каспий - 54%, а Дальний Восток - 32...

- А ты дай тралера, мы те покажем Восток с процентами...

- Вот когда пятилеточка обнаружит себя для нас, тогда, товарищ, и сосчитай процент...

Только что пришел с моря тралер, трюмы его набиты треской и палтусом, рыба лежит даже на палубе, тяжелые связки красных морских окуней висят на такелаже.

- Этот самый окунь англичане очень любят...

Толстый человек с каменным лицом оглушительно кричит:

- Эй-эй, ребята, начинай выгружать!

Тралер похож на кита с парусами, воткнули в спину кита две мачты и плавают на нем.

- Вот когда нам эдаких суденышков дадут полсотни за пятилетку...

- Должны дать больше.

- Ловцов не хватаит...

- Рыба - есть, ловец - будет,- утешительно говорит сутулый старик, мокрый от плеч до пят, в кожаном переднике, выпачканном рыбьей слизью и кровью. Усмехаясь, он сообщает мне:

- Через двое-трое суток должен прийти с моря одноименец твой "Максим Горький" - хо-ороший новичок!

В огромных сараях рыбного завода женщины укладывают в бочки освежеванную треску.

- Это повезем англичан кормить...

- Их бы, дьяволов, не треской, а кирпичами кормить!

Молодой парень матрос "вносит поправку":

- Треской, товарищи, питается не буржуазия, а рабочий класс Англии...

- Известно. Чего барин сам не прожует - собаке дает...

На краю земли. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Говорят здесь – отлично, кругло, веско, чистейшим языком не засоренным чужими словами.

– Вы, товарищ, на палтуса взгляните, – предлагают мне и ведут в помещение, где анафемски холодно и поленницами, с пола до потолка, лежит распластанная крупная рыба, вероятно, не менее метра длиной, янтарное мясо ее блестит золотом застывшего жира.

– Помещениев не хватаит, – говорят за моей спиной.

Я начинаю замечать, что словцо "не хватаит" – припев ко всем речам здесь.

В порту гремит работа, стучат топоры, тяжело брякают цепи, гулко шлепаются тес о деревянный настил, работают лебедки на иностранных судах. Грузят лес на три парохода, четвертый кончил погрузку. Должно быть, эти пароходы привезли части каких-то машин, множество алюминия и рулонов газетной бумаги. Последняя не очень радует глаз, досадуешь, что всё еще нужно ввозить бумагу в страну, которая обладает лесной площадью в 825 миллионов квадратных гектаров, не включая сюда леса Якутии и лесной массив Лены. Но затем вспоминаешь, что до революции мы тоже ввозили бумаги ежегодно 280 тысяч тонн и что все крупные газеты наши печатались на финляндской бумаге. И становится совсем не грустно, когда вспомнишь, что "Крестьянская газета" печатается в количестве 1450 тысяч экземпляров да издает десяток журналов для деревни; вспоминаешь огромные тиражи центральных и областных органов, газеты и книги нацменьшинств; каждый крупный уездный город тоже имеет свою газету, фабрики и заводы – тоже, затем вспомнишь обилие политической, научной, профессиональной литературы и художественной.

Едва ли есть культурное государство, которое за десять лет издало бы и продало только одних классиков 18 205 795 экземпляров, причем на долю Льва Толстого приходится 1826 тысяч, Пушкина – 1661 тысяча, Салтыкова – 1188 тысяч, Чехова – 1103 тысячи, Некрасова – 984 тысячи, Короленко – 741 тысяча, Лермонтова – 470 тысяч, Достоевского – 403 тысячи. И затем неисчислимый поток современной литературы, переводной беллетристики. Естественно, что бумаги "не хватаит". Поучительно было бы сопоставить цифры роста книжной продукции с цифрами десятилетий 90 – 900–910.

Размышляя об этом, вижу: вода залива как будто понижается, обнажая рябое дно, усеянное крупной галькой и раковинами. Кривокрылые чайки стонут и падают в сыром воздухе, как бы притворяясь, что они не умеют летать.

– Отлив, – говорят мне. – Идемте взглянуть, туг англичане кран свой затопили, черти, мо-гучий кран.

– Силов не хватаит поднять его...

– Ну все-таки – поднимем!

– А – как же!

Из воды торчат железные ребра, напоминая грудную клетку, над нею гигантский шлем, сквозь воду видны еще какие-то лапы, рычаги; вода отходит в море всё заметнее, и железо под нею как будто шевелится, приподнимаясь со дна. Весьма похоже, что в Кольском заливе утонул марсианин из романа Герберта Уэллса.

– Вот это самое – оно! – говорит высоколобый бородач и, вздохнув, двигает рукой, точно поршнем. – Видите – шишечка там впутана?

"Шишечку" я не вижу, а есть что-то кругловатое, размерам в добрую бочку.

– Непонятно – к чему эта шишечка? – соображает бородач, встряхивая кожаный кисет и сунув в рот черную трубку. – Краны эти я довольно хорошо знаю, в Архангельске видел, в норвежских портах. Настроили они тут немало, говорит он сквозь зубы. – Видели на берегу железные бараки? Это – казармы, должно быть. Тюрьму в Александровске построили, каменная здания, очень пригодилась. Там, в Александровске, профессор знаменитый живет, к нему люди ездят, как в старину к святому угоднику, старцу. Люди – всё больше молодежь, студенты...

Мне нравится, что этот человек говорит о недавнем прошлом, как о старине.

Спрашиваю:

- Старина-то как будто не очень стара?

Выпустив из под усов струю дыма, он говорит:

- Тут привычка действует. С непривычной ношей десять сажен прошел, а кажется - с версту.

Приглашают посмотреть жировой завод, это - здесь же, в порту. Собеседник мой идет на шаг сзади меня и ворчит:

- На мокром месте завод поставили, в подвал вода просачивается.

Завод только что построен и еще не работает, но уже вполне оборудован. Мне показывают котлы, трубы, объясняют, что куда потечет и откуда вытечет, но - виноват! - я слушаю невнимательно, потому что мне совершенно необходимо знать, что говорят и думают бородатые люди. В нижний этаж завода действительно просачивается почвенная вода. Объяснение этого дается откуда-то сбоку и снисходительно:

- Недогляд. Всё поскорее хочется сделать, терпенья не хватает...

Идем в город, пробираясь по рассыпанным доскам, бочкам из-под цемента, кучам щебня, мусора. Но это мусор не разрушения, а только естественные отбросы нового строительства, и этот хаос под ногами внушает чувство "омолаживающее".

После путешествия по городу пьем чай в вагоне. Один из моих собеседников - "старожил", он уже года три здесь, другой - недавно командирован сюда, партиец. Спрашиваю:

- Трудно здесь зимою?

- Темновато. Как навалится тьма эта, так, знаешь... песни петь охоты нет! Холодов особых не бывает, а вот туман, снег. Если бы - месяц, звезды, ну еще ничего, а это - редко бывает.

Молодой партиец говорит, усмехаясь:

- Здесь Джека Лондона хорошо зимой читать. Рассказы о Клондайке очень утешают...

- Спалохи тоже...

- Северное сияние...

- Ну, пускай - сияние будет! Не видал? Это, брат, надо видеть! Для этого сияния из Китая надо приезжать. Это, братец мой, такой прекрасный вид, даже - страшно. Пламень ходит по небу, столбы огненные падают, вихри носятся - беда! Прямо скажу - беспощадная красота сияние это! Глядишь - и глаза не можешь закрыть.

Человек говорит вдумчиво, негромко, со сдержанным увлечением, именно так, как следует говорить о необыкновенном.

- Я еще не видал этого, - как будто завистливо сказал молодой товарищ.

- Увидишь! Некоторые бабы, внове приезжие, даже рыдают со страха. Да я и сам боюсь, сердце замирает, знаешь. Смотрю и - думаю: "Что же она значит, такая страшная красота, какой нам знак в ней? Смысел-то какой?"

Молодой товарищ объясняет:

- Это электрическое явление природы. Считается, что...

- Считается, читается - это мы слышали, - ворчит рассказчик и хмурится. - Тут приезжал один, рассказывал - действительно электричество... Ну, ежели так, ты мне его в лампочку поймай, тогда я тебе веру дам!

- Подожди! Природа явления...

- Я, брат, сам природа! Это мне - одни слова, явление...

Собеседники мои сердятся. Чтоб отвлечь их от спора, я спросил:

- Много пьют здесь зимой?

- Тут и летом тоже пьют. Зимой-то - побольше. Темнота повелеват. Здешние говорят - теперь легче стало, как электричество завели, а вот когда керосин жгли, так выйдешь на улицу и будто в бездонну яму упал. Тут и снег сажей казался. Кое-где огоньки в окнах, так от них еще темней.

Он заговорил более легко и оживленно:

- К тому прибавь, что народу-то меньше было, не то, что теперь, теперь к нам люди как с облаков падают. Только строй дома, поспевай! Теперь свет и зимой растет. Раньше - куда пойдешь, чего скажешь? Теперь клуб есть, театр бывает, кинематограф, комсомол разыгрался, пионеры... большая новость жизнь началась! И поругать есть кого и похвалить - тоже. Другой курс жизни взят, не в штиль, а в шторм живем, так-то. А прежде только спирту в нутро наливали, чтобы светлее жить. А спирт - сам знаешь, каков: ты - его, а он тебя...

Поговорив еще несколько минут, ушли.

Вечером в клубе - собрание местных работников. Товарищи говорят речи очень просто, деловито, без попыток щегольнуть ораторским искусством. Чувствуется в этих людях глубокое сознание важности работы, которую они ведут здесь, "на краю земли". Молодой вихрастый парень густо и веско говорит, как бы читая стихи древних, героических былин:

- Вот и здесь, в полунощном краю, на берегу холодного океана, мы строим крепость, как везде на большой, на богатой земле Союза наших республик.

Часто мелькают сочные, чеканные слова края, всё еще богатого знатоками, "сказителями" былинного творчества. И невольно вспоминаешь "времена стародавние", "удалую побывальщину", людей несокрушимой воли, героев норманских саг, новгородских "ушкуйников" и Потанюшку Хроменького, одного из дружинников Васьки Буслаева. Хитер был Потанюшка, он не спорил против Васькина желания искупаться голым в Иордань-реке, где крестился Христос и где разрешалось купаться только в рубахах; он не спорил против Васьки, но хорошо оказал ему:

А текет она, Иордань-река,

А текет она - в море Мертвое...

Вспоминаешь изумительную кудесницу Орину Федосову, маленькую, безграмотную олонецкую старушку, которая знала "на память" все былины Северного края, тридцать тысяч стихов - больше, чем в "Илиаде". Первый, кто оценил глубокое историческое значение этих былин, собрал и записал их, был, как известно, немец Гильфердинг. Он, чужой человек, - "чуж чуже-нин" обратился непосредственно к живому источнику народного творчества, а вот наши собиратели народных песен и былин, поклонники "народности", славянофилы Киреевский, Рыбников и другие, записывали песни в усадьбах помещиков, от "дворовых" барских хоров. Разумеется, песни эти прошли цензуру и редакцию господ, которые вытравили из них меткое, гневное слово, вытравили живую мысль и всё, что пел, что мыслил крестьянин о своей трагической, рабской жизни.

Только этой зоркой и строгой цензурой класса можно объяснить такое противоречие: церковь свирепо боролась против пережитков древней, языческой религии, а все-таки эти пережитки не исчезли и в наши дни. А вот песни крестьянства о своем прошлом, о попытках борьбы своей против рабства или совсем исчезли, или же сохранились в ничтожном количестве и явно искаженном виде. Как будто крестьяне и ремесленники не слагали песен в эпоху Смутного времени про Ивана Болотникова, самозванного царя, про царя Василия, шуйского торговца овчиной, песен о Степане Разине, Пугачеве, "чумном" московском бунте 1771 года, будто бы монастырские и помещичьи холопы и рабочие казенных заводов не пели о своей горькой жизни. Этот варварский процесс вытравливания, обезличивания народного творчества - насколько я знаю - не отмечен с достаточной ясностью историками культуры и нашими

На краю земли. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru
исследователями "фольклора".

...Из клуба поехали на слет пионеров Северного края, на другой конец широко разбросанного Мурманска. Два часа ночи, и, хотя небо плотно окутано толстым слоем облаков, - все-таки светло, как днем. По улицам еще бегают дети - мелюзга, возраста "октябрят". Эти люди будущего спят, должно быть, только зимой. Какой-то седой, тоже бессонный, "мурман" садит елки пред окнами дома, две уже посадил, роет яму для третьей. Ему помогает высокая странная женщина в зеленом свитере и в кожаной фуражке. Почти всюду недостроенные дома, и по всем улицам ветер гонит стружку. Улицы очень широкие, видимо, в расчете на пожары: город - деревянный.

- Почему не строите из камня, из железобетона?

Два ответа:

- Дорого

- Каменщиков нет.

"Вот бы итальянских пригласить сюда", - подумалось мне.

Жалобы на недостаток строительных рабочих я слышал не один раз.

- Сезон здесь короткий, работают они сдельно, сколько хотят, заработок большой, - а не заманишь их, бормочут: далеко, холодно, "ядовитый" океан, девять месяцев солнца нет.

Плотников и каменщиков не упрекнешь за то, что они не знают одной из далеких окраин своей страны, - ее не знают и многие из людей, которые обязаны знать область, где они работают.

- Я недавно здесь, - говорил мне один из товарищей, - недавно - и еще не принялся. Но уже ясно - богатейший край! Ежели его по-настоящему копнуть - найдется кое-что и поценнее хибинских апатитов.

В доказательство своих слов он сообщил, что где-то "поблизости" мальчишки находят слюду и "куски металла, должно быть, цинка или евинца".

- Тут был один лесовод, так он говорил, что здесь растет высокоценное дерево - мелкослойная ель, и будто нигде нет этого дерева в таком количестве, как у нас. А поселенцы на дрова рубят эту ель.

И, усмехаясь, продолжал:

- До курьеза мы ни черта не знаем! Недавно в лесах, около границы, медеплавильный завод нашли, хороший завод, построен, должно быть, в годы войны. 75% оборудования еще цело, только железо кровельное и кирпич разграблен, видимо, поселенцы растащили. Стали мы искать: чей завод? Никаких знаков! Нашли в Александровске заявки на медную руду, одна - времен Екатерины, другая - Николая Первого, кажется. Но заявки не на то место, где поставлен завод. Чудеса...

Мне принесли образцы находок - несколько кусков слюды и свинцового блеска. Я спросил: установлены ли места нахождения этих руд?

- Нет еще. Специалистов ждем. В Хибинах они целым табуном возьмется с апатитами, наверное, и сюда заглянут.

Человек помолчал и, вздохнув, сердито договорил:

- Я не "специст", а все-таки так же мало верю им, как они нам. Съездит в лес, понюхает и скажет: действительно это руда, но - нерентабельна, промышленного значения не имеет. Чёрт его знает - так это или нет? Вам, конечно, известно, что кое-кто из них всё надеется, что старые хозяева еще вернуться, а старые-то хозяева, наверное, передохли давно...

Мне показалось, что здесь довольно много людей, которые "не принялись" к этому краю. И, кажется, это не их вина, - их слишком часто "перебрасывают" с места на место.

- А где тут замшу вырабатывают? - спрашиваю я.

- Замшу? Не слышал. Я тут недавно.

Другой сообщает:

- Не замшу, а - лайку! Но это около Кеми будто бы...

- Читал я, что по мурманскому берегу в сторону Лапландии есть несколько месторождений серебряно-свинцовой руды, а около Кандалакши будто бы золото.

- Всё может быть, - говорят мне весьма хладнокровно.

Край требует работников энергичнейших, которые быстро и всесторонне умели бы присмотреться, "принюхаться" к его природе, его богатствам, к условиям его быта. Человек "проходящий", я, конечно, понимаю, что мое право критики ограничено тем фактом, что для более глубокого изучения действительности у меня "не хватает" времени. Такое глубокое и всестороннее изучение - социальная обязанность молодежи, ее дело и ее радость.

А все-таки в Мурманске особенно хорошо чувствуешь широту размаха государственного строительства. Размах этот, конечно, видишь и понимаешь всюду в центрах и областных городах, где энергия рабочего класса, диктатора страны, собрана в грандиозный заряд. Но здесь, "на краю земли", на берегу сурового, "ядовитого" океана, под небом, месяцами лишенным солнца, здесь разумная деятельность людей резко подчеркнута бессмысленной работой стихийных сил природы.

Ни Кавказ, ни Альпы и - я уверен - никакая иная горная цепь не дает и не может дать такой картины довременного хаоса, какую дает этот своеобразно красивый и суровый край. Тут получаешь такое впечатление: природа хотела что-то сделать, но только засеяла огромное пространство земли камнями. Миллионы валунов размерами от куриного яйца до кита бесплодно засорили и обременяют землю. Совершенно ясно представляешь себе, как двигался ледник, дробя и размалывая в песок рыхлые породы, вырывая в породах более твердых огромные котловины, в которых затем образуются озера, округляя гранит в "бараньи лбы", шлифуя его, создавая наносы валунов, основу легенд о "каменном дожде".

Воображение отчетливо рисует медленное, всё сокрушающее движение ледяной массы, подсказывает ее неизмеримую тяжесть, а в железном шуме движения поезда слышишь треск и скрежет камня, который дробит, округляет, катит под собою широчайший и глубокий поток льда.

Невероятно разнообразие окраски камней, которыми засорена здесь земля: черные и серые граниты, рыжие, точно окисленное железо, тускло блестящие, как олово, синеватые цвета льдин, и особенно красивы диориты или диабазы зеленоватых тонов. Убеждаешься, что сила, которая, играя, уродовала, ломала эти разноцветные камни, действительно слепа.

Около маленькой станции двое рабочих разбивают на щебенку бархатистый мутно-зеленый диорит. В другом месте, перед мостом, взорван огромный валун, в его сером мясе поблескивает роговая обманка, она расположена правильными рядами и напоминает шрифт церковных книг или те прокламации, которые в старое время писались "от руки". Это - "библейский" или "письменный" камень. Огромные пространства засорены валунами, и часто, среди мертвых камней, стоят, далеко одна от другой, тонкослойные ели - то самое высокоценное "поделочное" дерево, о котором говорил "мурманам" лесовод. А за этим полумертвым полем, во все стороны вплоть до горизонта - густой лес; толстая, пышная его шуба плотно покрывает весь этот огромный край. Бешено мчатся по камням многоводные реки, на берегах мелькают новенькие избы поселенцев. Дымят трубы лесопилок, всюду заготовки леса. Вот - Хибины, видно холмы, месторождение апатитов. Здесь, в Хибинах, известная опытная сельскохозяйственная станция. Вот разрезал землю бетонированный канал Кондостроя. Край оживает. Всё оживает в нашей стране. Жаль только, что мы знаем о ней неизмеримо и постыдно меньше того, что нам следует знать. Но всюду видишь, как разумная человеческая рука приводит в порядок землю, и веришь, что настанет время, когда человек получит право сказать:

На краю земли. Максим Горький gorkiymaxim.ru
"Землю создал я разумом моим и руками моими".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!